

ТРИ ПО 50...

а Дурову все мало

ВАЛЕНТИНА БЕЛГЯНЧЕВА

— Лев Константинович, с какого полтинника начнем?

— Мы можем начать с любой даты, потому что все произошло одновременно. Женился я сам. В Детский театр меня принял Константин Иванович Шах-Азизов. А в первой картине — “Доброе утро” — меня снял режиссер Фролов. Ее теперь часто по телевидению показывают.

С моей женой, Ириной Николаевной Кириченко, мы учились на одном курсе. Она была очень красивая, и за ней многие ухаживали. Она же их спрашивала: “А у вас балберка есть?” Они говорят: “Нет”. — “А вот у Дурова балберка есть”, — говорила им Ира и уходила. Тогда они подходили ко мне, спрашивали: “Дуров, что такое балберка?” — “Это такое интимное, я не могу вам, ребята, сказать...” А балберка на самом деле — это поплавок в рыбацкой морской сети. Таким образом Ирина моя с помощью балберки кавалеров отшивала. Балберка у меня и сейчас сохранилась: кусок пробки с дырочкой посередине. Вот так в школе-студии я выиграл сражение.

— Признайтесь, как вы с такой “негероической” внешностью завоевали красавицу?

— Трудно сказать. Вот часто встречаешь пару: идет роскошный мужик, а рядом с ним маленькая женщина, может быть, даже и невзрачная. А вот спроси их: “Почему?” — они улыбнутся и скажут: “Дурак ты, ничего не понимаешь”. Или наоборот: идет мужик вроде меня — маленький, плешивый, а рядом с ним — роскошная женщина. Ну спроси у них: “Каким образом так вышло, что вместе?” Улыбнутся и скажут: “Иди к черту”.

— Помните, какой подарок сделали невесте на свадьбу?

— Никакого подарка! У нас денег всех только и было что на одну бутылку шампанского и килограмм болгарского винограда. Отметили вдвоем дома в коммуналке. Мне недавно подарили выписку из домовой книги — я даже ужаснулся: как такое могло быть?! Оказывается, нас шесть человек жило на 28 метрах. И все было замечательно. Я даже не замечал, что мы жили в такой тесноте.

— Вы принципиальный однолюб — 50 лет с одной женой? Или так получилось?

— Так получилось. Вы знаете, что у меня и папа с мамой прожили до глубокой старости, и я не помню ни одного между ними скандала. И у нас с Ириной никогда не было дразг, скандалов, никто не хлопал дверьми: “Все! Ухожу”. Никогда!

— А кто в доме хозяин?

— Кот Мишка. Порода — норвежский лесной. Здоровый такой зверь, добрый, но если вступит с тобой в бой — все, несдобровать. На нем мы поняли, что наркотики — это ужасно. Кто-то подарил на даче цветок Катьке-дочке, а Мишка его нажрался. И оказалось, что цветок имел какое-то наркотическое свойство. Он стал избивать собак и избил моего зятя Вовку — просто по морде ему надавал лапой. Он здоровый, как собака, в холке не меньше раскормленной таксы...

— Переходим ко второму 50-летию. Фильм “Доброе утро”. Вы кого там играли?

— Замечательный вопрос. Я был помощником экскаваторщика. Потом играл разных помощников и даже стал хроническим помощ-

ником нашего кино. И только когда Михаил Ромм дал мне маленькую роль — кагэбэшника в фильме “Девять дней одного года” (я там советовал ученым много не болтать), моя карьера изменилась. Говорили: “О! Он у Ромма снялся”.

— Мне кажется, вам все больше плохие роли доставались: провокатор из “Семнадцати мгновений весны”, стукачи... Не обидно?

— Гады — они колоритнее. Но вообще-то я и хороших играл. Но почему-то больше всех у меня в кино убийств и самоубийств. Я помню, в одном фильме я должен был сброситься с обрыва. “Нет, — думаю, — так не пойдет, надо что-то придумать”. И придумал: когда за мной бежали, я вставал на краю обрыва, вставлял себе пистолет в рот и стрелял. Это от-

дельное кино можно сделать — про мои самоубийства.

— Ну и, наконец, Центральный детский театр, из колыбели которого вышло столько великих. В том числе и Лев Дуров.

— Этот театр связан для меня с именем Анатолия Васильевича Эфроса. При моей фактуре и с другим режиссером неизвестно, как сложилась бы моя судьба. А у Эфроса я играл в Чехове, в Гоголе, в Шекспире, и все свои основные роли я сделал, конечно, у него. Это мой самый-самый-самый учитель.

— А в знаменитом спектакле “Конек-Горбунук”, наверное, Конька играли?

— Нет, не его. Я играл... зад лошади. Там же трех лошадей продавали, и многие прошли через зад лошади. Ничего смешного, между прочим, потому что передняя часть такое делает в адрес задней... Представить страшно! Артисты — они же хулиганы.

— Вот сейчас вы выпустили премьеру “Приглашение в партере”. Про театр?

— Не совсем. Спектакль, естественно, о театре, об артистах и компромиссах, на которые часто их толкает жизнь. Мысль такая — не надо продаваться.

— А если очень кушать хочется?

— Все это плохо кончается. Вот говорят, дадим денег — агитируй народ в избирательной кампании. Или что-то подобное. И идут, агитируют, пьют, выступают.

— Вы осуждаете коллег? А сами никогда не участвовали в президентской кампании?

— Никогда. Зачем? Чтобы потом сказали: “Дуров нас научил, а президент-то того”? Не должен артист этого делать.

— Как будете отмечать 150 годов?

— Завтра после спектакля соберемся по рюмочке выпить. Приходи.